

Юрий Богданов:

"Я сам падал в глубокую оркестровую яму"

- Юрий Борисович, у вас вообще-то был шанс не музыкантом стать, а кем-нибудь другим?

- Родители-то - музыканты и, конечно же, хотели впихнуть в музыку. Пианист из меня не получился - началась война, и я испортил себе руку - перебил сухожилие. Воевал. Боевую карьеру закончил под Кенигсбергом. И меня отправили в Ленинград изучать новую аппаратуру - я ведь был гидроакустиком на корабле. Ни одного дня я, конечно, на курсы гидроакустиков не ходил, а решил поступать в Консерваторию, на факультет военно-морских дирижеров. Готов не был - всю войну к инструменту не прикасался, но пару дней посидел за роялем, гаммы погонял и пошел. "Ой, Юрочка пришел! Как ты вырос! Да ты с орденом! Как мама? Как дома?" - радостно встретила меня член приемной комиссии жена скрипача Эйлина. - Иди посиди в коридоре!" И через несколько минут: "Поздравляем! Ты принят!"

- Вот это повезло!

- Мне пришлось вернуться в Кенигсберг, чтобы отчитаться о курсах. С этим получилось несколько хуже - я ведь не просто ездил на курсы, а еще возглавлял группу гидроакустиков, которая под моим чутким руководством курсы тоже не посещала и из командировки опоздала на девятнадцать дней. В войну закончилось бы штрафбатом, а так обошлось всего лишь гауптвахтой, да и ту я до конца не досидел! Пришло письмо из московского министерства направить меня на учебу в Консерваторию.

Педагоги в Консерватории были замечательные. Один из них, знаменитый Илья Мусин, присматривался ко мне, а после предложил: "Не хотите перейти на симфоническое отделение?" Кто ж не хочет?! Так я демобилизовался из военных дирижеров в симфонические.

А на четвертом курсе Консерватории выиграл конкурс дирижеров. И в качестве поощрения мне дали концерт в Большом зале Филармонии с заслуженным коллективом. Концерт прошел с каким-то непонятным, бешеным успехом. Думаю, потому что время было послевоенное, никто к нам не ездил, народ соскучился по новым именам, а тут мальчишка какой-то появился. Конной милиции пригнали!

- Сдерживать меломанов на дебюте? - А может, просто не выпускать никого из Филармонии! Сразу после концерта Борис Эммануилович Хайкин ассистентом в Кировский театр пригласил. Тогда ставили "Декабристов" Шапорина, и я имел честь носить за великим maestro "акценты".

- Какие такие акценты? - Партитуры. Хайкин когда-то был учеником у дирижера Голованова, который страшно любил ставить акценты в партитурах - буквально на каждой ноте. Такой энергичный, волевой дирижер - темпы у него были совершенно невероятные. И про ассистентов, которые носили за ним ноты, говорили - акценты тащит! Так Хайкин таскал акценты за Головановым, а я - за Хайкиным.

- А за вами кто? - Было время, когда Юра Темирканов. Когда Темирканов заканчивал Консерваторию, я исполнял обязанности главного дирижера в Малом оперном. И вдруг вызывают меня в обком. Говорят - Консерваторию заканчивает целевик Темирканов из Нальчика. Целевик - это когда республика направляет человека и платит стипендию, чтобы он обязательно вернулся. Говорят, талантливый парень, - возьми, попробуй! Специально для Юры мне открыли ассистентскую единицу... На следующий день пришел молодой, красивый и

У профессора кафедры оркестрового дирижирования Университета культуры и искусства Юрия Богданова на днях был, можно сказать, 165-летний юбилей. 75-й день рождения, 50 лет творческой и 40 лет педагогической деятельности. Звучит самодно и серьезно. Но поскольку заслуги maestro известны всем, то мы говорим о курьезах в его профессии.

скромный парень. Сидел, как прилежный ученик. Потом мы подружались, провожали друг друга после концертов - если помните, они тогда начинались в восемь часов.

Вскоре Юра победил на конкурсе и пошел, пошел! Умен он, конечно! Всегда, когда кого-то хотел похвалить, говорил: "Умен, как сто хвостов ишаков!" Вот и сам такой же!

- Как вам работало в МАЛЕГОТе?

- Мне повезло - там работали замечательные режиссеры, дирижеры. Главного режиссера не было - всегда брали на новый спектакль того, кто больше для него подходил. Кстати, Гергиев строит сейчас работу Мариинки по тому же принципу, и на Западе все так работают. Потому что нельзя, чтобы привыкали к одному почерку! Симпатии всякие, антипатии...

- А к дирижеру что, не привыкают?

- Он, в отличие от режиссера, каждый день стоит у одного станка и налаживает его работу.

- А у вас на премьерах бывали какие-нибудь леденящие душу истории?

- Я не знаю ни одного случая, чтобы к премьере все успели! Или с костюмами наладки - где-то что-то на соплях, или не прибит какой-то подпорожек, или прибит не там - ерунда! Но бывали случаи, когда просто дирижеры не приходили! Был однажды очень ответственный спектакль - я в нем не участвовал. Вдруг раздается тревожный звонок: "Срочно в театр! Высылаю машину! Не явился дирижер! В зале сидят Громыко и премьер-министр Турции!" Это была тройчатка - "Петрушка" Стравинского, Класси-

ческая симфония Прокофьева и "Жар-птица". Подъезжаю к театру - он весь оцеплен конной милицией.

- У вас хобби - выступать с конной милицией!

- Лечу в зал и слышу - началось. Без дирижера. Труднейший спектакль! За пультом стоит концертмейстер и отбивает ритм. В пиджаке без галстука на четвереньках пробираюсь к пульту, поднимаюсь и продолжаю дирижировать. Тогда на четвереньках отходит концертмейстер...

А виновник истории в этот день записывал музыку в кино - они писали "Князя Игоря". Закончили большую работу, выпили немного коньяка... И он забыл про спектакль! Пришел пешком с Петроградской, сел в Михайловском садике, посидел, помечтал, не торопясь зашел в фойе, посмотрел, что идет в театре... Слышит знакомые звуки и падает в обморок. На следующий день его сняли с работы - по-русски так, кабинет забили двумя досками крест-накрест...

- Вам, наверное, орденом...

- Ну да!

- Мне всегда кажется, что дирижер в оркестровой яме подвергается множеству опасностей. Артисты балета на голову часто падают?

- Нет, такого не припомню. Вот режизит со сцены летит в яму постоянно - подушки, палки. Зато в оркестровую яму падал я сам. Дело было в Орджоникидзе, мы проводили там декаду культуры, а меня назначили ее главным дирижером. Знакомят с оркестром - почему-то не в том здании, где предстоит выступать. Началась

репетиция: "Где второй гобой?" - "Да вы знаете, он сегодня на рынке торгует, завтра придет!" Внутренне холодею, представляя себе, что это за гобой. И в зал, где должен быть концерт, никак не ведут. Еле добился - пришли. Оркестровая яма там была такой глубины, что, когда я в нее заглянул, у меня голова закружилась! Спроектирована дилетантом - из нее ничего не видно и ничего не слышно. Прошу сбить козлы, настелить доски. Проходит день, два - ничего не делается. Помощники секретарей обкома носятся как сумасшедшие и все спрашивают: "Что нужно?" С трудом нашли рабочих, смастерили настил. И вот вечером концерт. Начало его неплохое - арфы нет.

- Арфы нет, возьмите бубен!

- Точно. Пультов тоже нет, зато сытый и довольный гобой пришел с рынка. В зале сидят все их правительство и аплодирует. А я вхожу на этот настил и с ужасом смотрю - что это для меня-то воздвигли? Оказывается, ящики друг на друга наставили и черным бархатом накрыли - ну чистый катафалк! С ужасом поднимаюсь на него, делаю первый взмах - и лечу вниз с грохотом. Падаю на флейтистов, кларнетистов и фаготистов. Руки-ноги остались целы - и у них, кстати, тоже. В зале - шок. Гробовая тишина. Я ушел за сцену - слышу стук, грохот! Приходят - добро пожаловать, все крепенько. И потом десять дней кряду все было хорошо!

- А что еще бывает в театре?

- Вот правдивая история про ударника Пушкина. В старой оперной студии, еще до ее реконструкции, в оркестровую яму проходили узкими коридорчиками. На время спектакля двери в оркестровую яму запираются. Но ударник Пушкин взял и ушел каким-то образом в буфет. Сцена дуэли. По громкоговорителю за кулисами бесподобному ударнику напоминают, что ему нужно сделать удар. Причем не просто удар, а звук выстрела на дуэли - пропустить невозможно! Он летит вверх, залетает в ложу над ямой - прямо под ним стоят литавры. Он снимает ботинок и в момент выстрела кидает его вниз. Главное - вовремя, никто не придерется!

- Юрий Борисович, правда, что вы дружили со Светлановым?

- С Женей Светлановым я познакомился, когда меня впервые пригласили на "Декабристов" в Кировский, а Женю в это время - тоже на "Декабристов", только в Большой театр. Между театрами шло соревнование - кто лучше сыграет, кто громче. Ездил друг к другу на репетиции. Подходит однажды Женя к нашей второй валторне и говорит: "Что же вы здесь ре диэз играете, здесь ре бекар!" Проявил свой великолепный слух. С этого момента мы с ним, как юные дарования, носители акцентов своих шефов, подружались и дружили всю жизнь.

- Вы проработали в МАЛЕГОТе больше тридцати лет. Вас никогда не звали в Москву?

- Меня звали в Большой театр. Но семья воспротивилась - нам только что дали хорошую квартиру, да и сам я не очень-то хотел. "Второго такого случая может не оказаться!" - говорил мой учитель Хайкин. И он был прав!

- Не жалеете?

- Нет. У меня была счастливая жизнь. Я не только в театре работал, я еще записал музыку более чем к шестидесяти кинофильмам, среди которых "Здравствуй и прощай", "Влюблен по собственному желанию", "Табачный капитан", "Собака на сене", "Вратарь" и примерно восемьдесят других. А мои прекрасные ученики... Это тема для отдельного разговора!

Беседовала
Ирина БОНДАРЕНКО

Богданов Юрий

14.11.2002